

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники

Специальный выпуск IV

СМОЛЕНСКИЕ ВОЙНЫ XV-XVII ВВ.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург

2015

ББК 63.3(0)5 УДК 94

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск. IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_4>

© www.milhist.info

© Лобин А.Н.

MILHIST

INFO

Лобин А.Н. К вопросу о роли Михаила Глинского в Смоленской кампании 1512–1514 гг.

В статье исследуется роль князя М.Л. Глинского на начальном этапе Смоленской войны. Благодаря активной деятельности князя с 1511 г. установились связи России с Тевтонским орденом, а также наметились дружественные контакты с герцогом Георгом Саксонским. По сути дела, попытки завязать отношения с европейскими дворами, настроенными против Польши, стали первыми кирпичиками в фундаменте хлипкого антиягеллонского альянса. Под Смоленском в 1513-1514 гг. Глинский проявил себя как незаурядный дипломат, пытавшийся убедить гарнизон сдаться. Несомненно, что деятельность князя в роли переговорщика смогла повлиять на решение защитников сдать крепость в конце августа 1514 г.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/04/13/lobin_6

Ссылка для печатных изданий:

Лобин А.Н. К вопросу о роли Михаила Глинского в Смоленской кампании 1512–1514 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. - 2015. - Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. – С. 132-147 <http://www.milhist.info/2015/04/13/lobin_6> (13.04.2015)

www.milhist.info

2015

А. Н. Лобин

К ВОПРОСУ О РОЛИ
МИХАИЛА
ГЛИНСКОГО

В СМОЛЕНСКОЙ КАМПАНИИ 1512–1514 гг.

Борьбе за Смоленск в 1512–1514 гг. предшествовала длительная дипломатическая подготовка, предпринятая русской стороной. Василий III «прощупывал» новые связи с Европой в надежде найти союзников в будущей войне с великим князем Литовским Сигизмундом Старым. Немалую роль в этом сыграл и ближайший советник московского государя князь Михаил Глинский, имевший контакты со многими европейскими дворами. Именно по его инициативе были предприняты попытки завязать союзнические отношения с Империей, Саксонским курфюршеством и Тевтонским орденом¹.

Власти Пруссии и Ливонии внимательно следили за развитием событий в Восточной Европе. Особый интерес для Ордена представляла деятельность Михаила Глинского и его агентов в Европе, направленная на создание антиягеллонской коалиции. Среди важных событий на дипломатическом фронте следует отметить деятельность саксонского авантюриста Христофора Шляйница (*Christophorus Schleynicz*), слуги Михаила Глинского, сыгравшего значительную роль в сближении Ордена, Империи и России. Если ранее в 1498–1510 гг. саксонец выполнял разные тайные поручения в переговорах князя М. Глинского и Ордена², то в 1511–1512 гг. его дипломатическая деятельность вышла на межгосударственный уровень и по своей значимости выделялась из всех ранее проведенных секретных миссий.

В первых числах января 1511 г. Шляйниц прибыл в Москву с поручением от представителя тевтонской стороны штатгальтера графа

Вильгельма фон Изенбурга — обговорить с Михаилом Глинским возможность противодействия союзу России и Польши, если заключение такого в будущем будет возможна.

14 апреля 1511 г. датировано орденское известие о том, что из-за успешных переговоров в Москве при посредничестве «князя Михеля» теперь уже польский король «не может заключить мир с московитами и татарами»³. Вскоре Христофор Шляйниц с документами выехал из Москвы в Кёнигсберг. Цели его миссии частично раскрываются в грамоте Василия III Ивановича великому магистру Тевтонского ордена Альбрехту от 21 сентября 1511 г. В настоящее время она хранится в собрании документов Кёнигсбергского тайного архива (*Das Geheimes Staatsarchiv Preussischer Kulturbesitz. Berlin-Dalem*, далее — *GStAPK*). Пр процитируем её полностью⁴:

Ѡ великого г(о)с(ү)д(а)ря Васи^я Б(о)жію м(н)л(о)стію ц(а)ря, и г(о)с(ү)д(а)ря всеа Русіи, и великого кн(я)зя Володимирского, и Московского, и Новгородско^(о), и Псковского и Т^оѣрскѡг(о), и Югорского, и Пермскѡг(о), и Болгарскѡг(о), и иных. Всвѣцномү, и высококоролномү кн(я)жати, панү Алвертү неме^цко^о законү изволеніе^м высокому магистру, марькрави Брамбарскомү, Штенинскомү, Помернъскомү, Кашүбинскомү, и Вѣнденскомү кн(я)жати, марькрави Нүрварскомү, и кн(я)жати Врүскомү. Бн^а намъ челѡ^м на пере^а сегѡ слүга нашъ князь(ь) Мнѡхило Лвови^а Глинскои ѡ высоко^м магистрѣ прүско^м ѡ Фре^ариѡе, что ѡ нѣкоторых^х дѣлех^х хотѣ^а ѡ к на^м слати свои^х послѡ^в. И на^м бы е^мү дати на егѡ послы своя опасная грамота, чтоѡвы егѡ послѡ^м пріѣхати к на^м, и Ѡѣхати доброво^{но}. И мы къ высокому магистру прүскомү къ Фре^ариѡү на его послы грамотү свою ѡпаснүю послали с морша^аковы^м ч(е)л(о)в(е)ко^м прүско^(о) с Вилимовы^м нѣмецко^(о) чинү с Шля^ацо^м, и томү де Шля^анцү на дорозѣ стсталася нѣкоторая незгода, и ѡ^н за тѣ^м тоѣ нашиє грамоты до магистра до Прүско^(о) до Фре^ариѡа не довезѣ. И на^м бы н(ы)нѣ теѣѣ дати на твои послы своя ѡпасная грамота, чтоѡвы твои^м послѡ^м пріѣхати к на^м, и Ѡѣхати доброво^{но}. И Ѡ которых^х дѣлех^х похоче^ш к на^м послати свои^х послѡ^в, и твои^м посло^м пріѣхати к на^м и Ѡѣхати доброво^{но} ве^з всякіє зацѣпки по сен н(а) шеи грамотѣ, а ся наша грамота твои^м посло^м и ѡпасная писан(а) на Москвѣ лѣт(а) 7020 гѡ сентября 21 дѣнь

Что за «незгода стсталася» со слугой Глинского Шляйницем по пути в Кёнигсберг, можно узнать из документов Дрезденского (*Sächsische*

Hauptstaatsarchiv, Dresden)⁵ и Берлинского архивов (*GStAPK*), которые раскрывают поистине детективную историю. Столицу «московитов» саксонец покинул чуть ранее — 11 апреля 1511 г., имея на руках заверения Глинского штатгальтеру фон Изенбургу о воинственной позиции Москвы в отношении Литвы, с которыми он благополучно и прибыл в Ливонию. Помимо дипломатической миссии хитрому саксонцу, несмотря на противодействие польских дипломатов, удалось также завербовать несколько рот немецких наёмников, отряды которых через Ливонию двигались в Россию в надежде послужить великому князю. За ними же поехали и военные инженеры — для развития успешных наступательных операций государь сделал ставку на оснащение своей армии современными техническими средствами.

Тем временем, 18 мая 1511 г., по приграничным городам Короны польским королем Сигизмундом I были посланы инструкции, в которых говорилось о деятельности «Христофора Шляйница, слуги нашего изменника князя Михаила Глинского», который участвовал в переговорах «с Московией и с Орденом» («...*ut quidam Christopherus Schleynicz, qui proditoris nostri Michaelis Glinski comes in maleficio fuit, etiam istac trajecerit et in Moscovia et apud Ordinem talia egerit, qualia possent, si non provideretur, afferre plurima mala*»). Комендантам Й. Голавинскому и Я. Росновскому в Мариенбурге (Мальборке) специальной инструкцией предписывалось следить за новыми приезжающими людьми и не допускать проезда в Московию военных специалистов⁶.

Герцогу Мюнстербергскому Карлу Сигизмунд сообщал: «...*Затеяны замыслы против нас с нашими врагами на нашу погибель через некоего Христофора Шлейница, некогда служившему нашему изменнику Михаилу. Ибо, при посредничестве того преступного изменника, этот самый Шлейниц от имени славных господ князей Саксонских старался у Великого князя Московского о том, чтобы он расторг и нарушил договор, заключенный им с нами... и чтобы он напал на наши владения, когда мы будем заняты против татар. Ибо донесения наших разведчиков показали, куда клонились подобные происки*»⁷.

Между тем Шляйниц через территорию Жемайтии попытался пробраться в земли Ордена. Однако очень скоро события приобрели драматический оборот. Жемайтский воевода Станислав Янович, узнав о местонахождении Шляйница, организовал погоню. Как писал сам

Сигизмунд, *„нашими верноподданными был обращен в бегство этот Шлейниц, возвращавшийся из Московии, и когда он отчаялся в возможности избежать плена, он бросил письма как князя Московии, так и нашего злодейского изменника Михаила“*. Шляйниц, чудом избежав плена, укрылся в мемельском замке у орденского комтура Михаэля фон Швабена⁸.

Письма с расплывшимися чернилами были выловлены из воды, высушены и доставлены в Краков. Из их содержания Сигизмунду Казимировичу стало ясно, что в ближайшем будущем вполне возможно образование опасной антигеллонской коалиции. К сожалению, сами письма не сохранились, но об их содержании можно узнать из переписки Сигизмунда с курфюрстами. Среди корреспонденции были *«опасные»* грамоты от Василия III для приезда послов и личные письма *«князя Михаила»*, в которых последний строил планы создания союза Тевтонского ордена, Саксонского курфюршества и *«Московии»*.

Герцог Саксонский Георг пытался оправдаться перед польским королем, мол, *«названного Кристофа фон Шлейница не видали в течение десяти лет и более»*⁹. Однако неуклюжие оправдания Георга не поколебали уверенности польского короля в том, что зреет антигеллонская коалиция.

Тем не менее, при всех сложностях и проблемах, поездка Шляйница, агента Глинского, означала серьезные изменения в русско–тевтонских отношениях. Но пока саксонец с приключениями ездил из Кёнигсберга в Москву и обратно, умер верховный магистр Ордена Фридрих. Орденским капитулом был избран новый его глава — 20-летний бранденбургский маркграф Альбрехт Гогенцоллерн, родственник польского короля. И вот тогда в Москве и была составлена указанная выше грамота от 21 сентября 1511 г. к новому верховному магистру.

События между тем шли своим чередом. В 1512 г. Василий III объявил войну Сигизмунду, которой суждено было растянуться почти на 10 лет. Известно, что с началом боевых действий против Литвы Михаил Глинский оказался в действующей армии. О каком-либо участии князя в военных действиях в период первой осады Смоленска зимой 1512/1513 гг. известно мало. 13 февраля 1513 г. магистр Ливонского ордена, получив сообщение от комтура Динабурга, информировал верховного магистра о якобы завоевании Смоленска *„герцогом*

Михелем»¹⁰. Возможно, подобные слухи отражали активную деятельность Глинского в первую осаду.

Во втором походе Василия III на Смоленск летом-осенью 1513 г. князь возглавлял передовой полк государевой рати¹¹. В анонимном «Новом известии о Литве и московитах» отмечено, что государь снова выступил под Смоленск «по указанию своего гетмана князя Михаила Глинского»¹².

Двумя отрядами, направленными к Полоцку и Витебску, по сведениям неведомого автора «Нового известия», командовал тот же князь¹³. Но разрядные данные этого не подтверждают — ратью, направленной под Полоцк, руководили князья В. В. Шуйский и М. В. Кислица. Сохранилось также упоминание о 14 000 московитах под Оршей¹⁴. Возможно, Глинский возглавлял один из небольших отрядов, посланный либо под Витебск, либо под Оршу.

В третью осаду Смоленска в 1514 г. проявился талант Глинского как тонкого политика и умелого переговорщика.

В середине апреля 1514 г. со стен крепости жители и гарнизон вновь увидели передовые части русской армии. Первым к стенам крепости подошёл передовой полк под командованием князя Михаила Глинского. О численности его отряда сообщается в письме епископа Петра Томицкого; разрядная книга позволяет уточнить командный состав его полка:

**Письмо П. Томицкого
(апрель 1514 г.)**

«Недавно пришел князь Михаил с 1000 всадников, с коими встал под крепостью Смоленск» («*Venit nuper dux Michael cum M. equitibus ad eos, qui castrum Smolensko obsident...*»)¹⁵.

**Разрядная книга
1475–1605 гг.**

«В передовом полку бояре князь Михайло Львович Глинский да князь Михайло Васильевич Кислой Горбатой, да Ондрей Васильевич Сабуров»¹⁶.

Глинский не мог с такими незначительными силами осадить город — были перерезаны сообщения, а с осажденными начались переговоры, ибо князя в городе хорошо знали. Вслед за Глинским к городу вскоре подошли более крупные части под командованием Б. И. Горбатого, М. В. Кислого-Горбатова и И. А. Челядина: «Они же, пришед,

град оступили». Дата полного обложения крепости устанавливается по сообщению королевской окружной грамоты, в которой говорилось, что «люди неприятеля нашего Московского, пришедши под замок наш Смоленск, по святом Николе о тыждень, замок наш облегли»¹⁷. Т.е. Смоленск был окружен 16 мая (день св. Николая).

В 1530–х гг. секретарь королевы Боны Сфорца Станислав Гурский, составляя описание войны «В год Господень 1514», вложил в уста Михаила Глинского слова, будто бы сказанные им в ходе переговоров смолянам: «Он добровольно предложил Москве свою верность и в письме поклялся в ней. Предательство замка Михаил совершил, переманив префекторов великими уговорами и еще большими обещаниями, говоря в особенности, что Витольд [Витовт — А.Л.], великий князь Литовский, силой отторг замок у Московской земли, и было бы выгодно и справедливо отделиться члену от чужого тела и присоединиться к своему... бояре и знатные мужи, коренные жители и уроженцы Смоленской земли — московского рода и одной с ними религии, которая является для разделенной внутри себя нации великой связью, и надо для благожелательства и общности вернуться к своим братьям и родичам, к хорошо относящемуся роду, от надменности поляков, от внешнего господства — к естественному и наследственному господину, к почестям и восстановлению отеческих традиций... при долгом отсутствии короля нагрянет прусская война с германцами и цезарем, а литовцы немногочисленны, невоинственны и неравны силами для сопротивления Москве, и лучше бы своим собственным решением добровольно передаться в господство Москвы, чем подвергаться превратностям судьбы» («...*Quod quum arx hec de corpore soli moscici per Witoldum, Magnum ducem Lithuanie, per vim adempta Moscicis olim esset, equum et justum esse, ut eis autoribus membrum hoc corpori suo uniatur; rogare, ut quum Russii essent genere Mosci bojari ac nobiles viri, terre Smolenscensis indigene ac inhabitatores, unius insuper ac ejusdem religionis, que nationum quantumvis inter se diversarum magnum esset ad benivolentiam et societatem vinculum, ut ad fratres et cognatos suos, ad gentem bene eis affectam a superbis Polonis, ab externo dominatu ad hereditarium ac naturalem dominum, ad honores ac magistratus patrios jure postliminio revertorentur; multos esse in Lithuania proceres et militares, qui Basilium, Moscovie ducem, dominum sibi assciscere constituerint. Terrorem*

postremo adjecit, ut, cum longe rex abesset, bello prussiaco occupatus cum cesare et Germanis, et Lithuani uti pauci ac imbelles ita ad resistendum moscice potentie impares, salvis potius rebus suis incolumes ipsi ac voluntarii Moscum dominion acciperent, quam de vita et fortunis periclitarentur»¹⁸.

Взятие Смоленска в третью осаду 31 июля 1514 г. стало главным событием войны 1512–1522 гг. — более значимой кампании не было в истории русско–литовского противостояния вплоть до Полоцкого похода 1563 г.

После капитуляции Смоленска перед войсками Василия III современники искали ответ на вопрос, почему же пала «крепкая и доблестно защищаемая крепость». Первым на этот вопрос пытался ответить сам король польский и великий князь литовский в письме своему брату Владиславу от 30 июля 1514 г. Сигизмунд Старый писал, что город имел все необходимые ресурсы для обороны и «*пребывал в непоколебимой верности*». Действительно, в начале 1514 г. с особой тщательностью были проведены оборонительные мероприятия по укреплению города фортификационными сооружениями и орудиями–гаковницами. Обоз с боеприпасами и артиллерией накануне осады доставил в Смоленск хорунжий М. Бася; истерзаннные артиллерией в 1512–1513 гг. башни и стены были подновлены. Однако, по словам короля, город сдался «*из–за гнусной измены кое–кого из наемных войск и местной знати*», следовательно, имело место предательство¹⁹.

Позднее в сочинениях польских интеллектуалов родился дискурс «*о рутенской измене*», который впоследствии переключался в ряд сочинений. Одно из главных поражений в войне стало объясняться симпатией «*рутен*ов», т. е. русского населения Великого княжества Литовского, к единоверцам–московитам.

Еще за несколько месяцев до падения Смоленска, 5 апреля 1514 г., архиепископ гнезненский Ян Лаский выступил на V Латеранском соборе с докладом «*О народах рутенах и их заблуждениях*». В нем прозвучали слова о единоверии рутенов литовских и московитских и той опасности, какую представляет это единство в языке и религии.

Папский легат Якоб Пизо (Пизон) 26 ноября 1514 г. писал: «*...многие из них (рутен*ов — А.Л.) имеют особый порок — а именно склонность к измене, которая проникла даже в дома князей и прочей знати... Многие из рутенов тайно выступают за Моска, что

наиболее вероятно — вследствие одной и той же веры; и вообще, многие бы из них давно бы перебежали, если бы не опасались тирании Моска» (*«Multi ex his peculiare vitium prodicionis habent, quod ad principum sive ducum aliquorum domos irrepsit... Sentiunt multi ex iis secreto (ut creditor) pro Mosco, nulla alia magis quam religionis causa, eam enim per omnia cummunem habent, transfugerentque passim multi, nisi exploratam Mosci tyrannidem formidarent»*)²⁰. У Станислава Гурского, секретаря королевы Боны Сфорца, дискурс «рутенской измены» звучит особенно эмоционально: «...После уговоров и подкупа деньгами лицемерный в вере род рутен (in fide lubrica Rutheni) передал замок и самих себя врагу 30 июля 1514 года от Р.Х.»²¹.

В то же время другие современники и вовсе не касались религиозных аспектов, объясняя измену смолян следующим образом: «Ведь сколько было раз обиженные не жаловались на них королям, их или не слушают, гонят или заключают в темницы, как клеветников, разумеется, при издевательствах над ними и обвинениях этих несчастных со стороны сенаторов и королевских властей... К грабёжам и жестокостям побуждает власти частью королевская бездеятельность, частью то, что на все это сквозь пальцы смотрит король, который тяготеет расследовать истину путем розысков, и если и посылал он кого-либо для расследования, то следователей державцы подкупали и те правды королю никогда не говорили и объявляли, что верх несправедливости, потерпевших виновными. **Вот почему люди, с которыми так дурно поступает власть королевская, так легко переходят на сторону московского государя** (выделено мной — А.Л.)»

Основную роль в «рутенской измене», по мнению польских хронистов XVI в. (С. Гурский, М. Бельский, М. Стрыйковский и др.), играл князь Михаил Глинский, превосходный оратор и искусный переговорщик, сумевший убедить гарнизон сдаться.

Попробуем разобраться, какую же роль сыграл Михаил Глинский в капитуляции крепости.

Первое орденское известие о падении Смоленска датируется 18 августом 1514 г. Письмо написано в Рагните орденским келлермейстером²² З. фон Бухенау. Первые слухи о капитуляции смоленской цитадели дошли до орденской крепости на Немане только через две недели, и келлермейстер кратко изложил великому магистру

полученную от сведущих лиц из Литвы информацию о переговорах «герцога Михеля» (*herzcg Michel*) с руководителем смоленской обороны (*hauptman von Schmolenczk*) и последовавшей за этим капитуляции крепости. Вместе с тем великий магистр Альбрехт Бранденбургский получил известие о присутствии при польском дворе папского посла Якоба Пизо, который хотел примирить короля с Московитом, однако, в ходе продолжающейся войны для такого доброго пожелания Папы не нашлось места²³.

Более обстоятельно события конца лета описаны в донесении комтура Мемеля Михеля фон Швабена (*Michel von Swaben, Ordens comptur zuer Memel*) от 3 сентября 1514 г. (*GStAPK*). В донесении подробно рассказывается об участии князя Михаила Глинского во взятии Смоленска: «Московит с большой силой подошел к Смоленску и там же произвёл сильный обстрел из пушек, которым он сразу сильно пробил и разрушил Смоленский замок с одной стороны, так что бывшие в замке не могли дальше держаться и отправили к Московиту [со словами], что он должен прийти и взять замок (завладеть замком), тогда Смоленск не будет принадлежать никому, кроме Бога и его (Московита). Поскольку Московит опасался измены и не мог въехать туда, поэтому князь Михаил рано утром в день святого Петра (*ad vincula Petri*) въехал туда с 1000 коней, и как только он туда явился, бывшие в замке упали ему в ноги и уступили и передали ему замок и всё, что было в замке» («*Der Moschkowiter ist mit groser macht vor Schmolenczk gekommen und do selbst von buchssen mechtigk geschos gehabt hat, do mit hot er das schlos Schmolenczk an einer seiten zumol zere durcharbeit vnd zudrondt, alzo das die vfim slosse fernir enthaldunge nicht wol haben mogen fulen vnd haben zcum Moschkowiter geschickt, er sulde komen vnnnd sein slos einnehmen, dan Schmolencz wirt nymandts, alleine got vnd sein. Hot der Moschkowiter bforcht vorreteri vnd hot nicht thurn hinauff reiten, alzo ist herzcg Michell am tage ad vincula Petri vf einen morgen frwe hin auff mit tawsent pferden geritten, vnd zo baldt er hinauff komen ist, so sein die auffim slosse ehm fur die fusse gefallen vnd haben ehm das slos vnd alles, das im slosse gewesen ist, ingerewmet vnd apgetreten*»)»²⁴.

Необходимо отметить, что текст данного документа с сокращениями и ошибками был опубликован в 1848 г. А. И. Тургеневым по копии, привезенной из Кёнигсбергского архива²⁵. Историк А. А. Зимин

обратил внимание на диалог между государем и М. Глинским, который передал в своем донесении комтур Мемеля: «„Великий князь Московский, я сегодня дарю тебе крепость Смоленск, которую ты давно желал [приобрести], что же ты даришь мне?“ На это великий князь ответил ему: „Так как ты мне даришь это, то и я дарю тебе княжество Литовское“». Далее историк отметил: «Если этот разговор имел место в действительности, то ответ Василия III звучал издевательски...»²⁶. Но в изложении А. А. Зимина диалог оказался вырванным из контекста — если исходить из оригинала документа (GStAPK), то смысл разговора будет иным: «С этими словами они въехали в Смоленский замок, и как только Московит прибыл, то, прежде всего, вошел он в церковь Девы Марии, и там [в ходе] большого молебна с благодарностью принес пожертвования и там же второй раз пообещал князю Михаилу посадить его в Литве...» («Mit disen Worten sein sie auff's sloß zu Smolencz eingeritten, vnd so baldt der Moschkowiter einkomen ist, ist er vor alle dingk in die kirche vnser lieben frawen eingangen vnd do selbst yn groser andacht vnnd dangsagunge sein opffer gethon hat, vnd do selbst zu andern mael herzcogk Micheln gelobt hat, in Littawen yn zu setczen») ²⁷. Неизвестно, действительно ли был такой разговор, или это всего лишь фантазия информатора, но из приведенного отрывка можно заключить, что ничего «издевательского» в ответе Василия III нет, наоборот, великий князь при свидетелях торжественно пообещал помочь Глинскому. Уместно здесь же привести свидетельство имперского посла Сигизмунда Герберштейна: «Михаил одним своим присутствием отнял у воинов, обorongивших [крепость], всякую надежду защитить город, и запугиванием, и посулами склонив их к сдаче (воины хорошо знали князя Михаила, а тот сумел договориться с ними, чтобы они сдали крепость). Михаил добивался этого с тем большими смелостью и усердием, что Василий обещал уступить ему навсегда (в наследственное владение) крепость с прилегающей областью, если Михаилу удастся, каким бы то ни было образом, овладеть Смоленском. Но впоследствии он не исполнил своих обещаний, а когда Михаил напоминал ему об условии, только тешил его пустой надеждой и обманывал»²⁸.

Обратим внимание: рассказ Герберштейна по смыслу передает те же сведения, что содержатся и в послании мемельского комтура. Вполне очевидно, и орденский агент, и имперский посол пересказали какие-то

ходившие в Литве слухи о состоявшемся разговоре между князем и государем и торжественных обещаниях последнего.

Известно, что в Смоленске весной 1514 г. был размещен наёмный контингент под командованием *«одного чеха»*. С ним Михаил Глинский также вёл переговоры. Этот момент отмечен и С. Герберштейном, и С. Гурским, и Й. Децием, и М. Стрыйковским, и Б. Ваповским, и другими хронистами. Поскольку горожане в третий раз не желали стоять до конца (к этому также склонялась городская верхушка), то профессиональным воинам ничего не оставалось, как подчиниться воле смолян, тем более что перед наемниками открывался свободный выбор: *«Которые похотели служити великому князю, и тем князь велики велел дать жалование по 2 рубля денег да по сукну по лунскому и к Москве их отпустил. А которые не похотели служить, а тем давал по рублю и к королю отпустил. А к великому князю князеи и панов и жолныреи многое множество служити»*²⁹. По Герберштейну Василий Иванович овладел крепостью *«после измены воинов [и начальника, одного чеха]...»*³⁰.

В ряде источников зафиксированы награждения Василием III наемников (*«жолнеров»*) и смоленских мещан. Первые за то, что решили прекратить сопротивление и подчиниться воле горожан, были награждены жалованием и получили свободу выбора — остаться на службе короля или перейти к новому государю. По сообщению С. Гурского, в ходе переговоров Михаилу Глинскому якобы удалось переманить *«префектов великими уговорами и еще большими обещаниями»*³¹. Однако в т. н. *«речах»* Глинского к защитникам Смоленска, которые приводят польские хронисты, нет никаких данных о реальных обещаниях Василия III, а именно о том, что в городе не будет никаких репрессий, что мещане будут пожалованы всеми прежними льготами, что всем будет дана свобода выбора, какому из государей служить. В *«речах»* красной нитью проходят лишь два тезиса — о вербовке гарнизона *«Московитом»* и воссоединении схизматиков-единоверцев. Поэтому возникают большие сомнения, насколько точно они передают смысл переговоров Глинского.

Успех обороны города во многом зависит от того, есть ли в нём профессиональные воины, способные организовать оборону, и есть ли у этих воинов желание обороняться. История XVI–XVII вв. знает немало примеров, когда город держался только благодаря стойкости

ратников, жестоко подавлявших всякие разговоры о сдаче, несмотря на желание самих горожан сдаться. Гарнизон оборонялся три месяца, прежде чем открыл ворота московскому государю. Переговоры Михаила Глинского с командованием гарнизона периодически шли с конца апреля (с момента появления князя под стенами) до конца июля (до начала бомбардировки).

Необходимо разделять между собой намерения сдаться, переговоры о сдаче и саму капитуляцию. Эти события могли расходиться между собой на несколько дней. Когда Сигизмунд писал венгерскому королю о падении крепости, то он опирался на первые известия, которые достигли Минска к 30 июля. Следовательно, переговоры о сдаче велись как минимум в 20-х числах июля — гонец с донесением должен был покрыть расстояние как минимум в 250 верст между Смоленском и Минском, где находилась ставка короля. Уже тогда у гарнизона появились намерения открыть ворота, и в стенах крепости обговаривался вопрос о капитуляции на особых условиях. Описанная летописцем бомбардировка 29 июля была, по-видимому, последним аккордом осады с целью подвигнуть защитников принять условия капитуляции.

Таким образом, роль Глинского во взятии Смоленска в польских источниках слишком преувеличена. Князь появился перед стенами в апреле и почти три месяца вел переговоры. Крепость пала только с прибытием русских орудий — артиллерия под руководством иноземца Стефана громила укрепления после того, как переговоры не дали никаких результатов.

В связи с вышесказанным можно поставить под сомнение версию известного историка М. М. Крома, что *«решающим же фактором (сдачи Смоленска — А.Л.) явилось изнеможение населения, измученного тремя осадами подряд, оставленного на произвол судьбы литовским правительством»*³². Состояние источниковой базы в настоящий момент не позволяет однозначно говорить о решающей роли *«изнеможения населения»*. Несомненно лишь одно: в данном случае одновременно сыграли все факторы³³ — это и отсутствие помощи осажденным извне, и мощный артиллерийский обстрел крепости (в русских источниках появился дискурс, который условно можно назвать *«изнеможение градское»*), и посредничество и обещания Михаила Глинского (дискурс *«дипломатии герцога Михеля»*), и стремление определенной части горожан перейти

в подданство к Василию III (дискурс «*рутенской измены*»). Но какой из этих факторов был доминирующим, установить на сегодняшний день практически невозможно.

В то же время нельзя не отметить тот факт, что именно стараниями князя Глинского с 1511 г. установились связи России с Тевтонским орденом, которые впоследствии привели к созданию русско-тевтонского военного союза 1517–1522 гг.³⁴ По инициативе князя наметились дружественные контакты с герцогом Георгом Саксонским. По сути дела, попытки завязать отношения с европейскими дворами, настроенными против Польши, стали первыми кирпичиками в фундаменте хлипкого антигеллонского альянса. Наконец, с помощью князьего слуги Христофора Шляйница удалось завербовать в Европе военных инструкторов, специалистов осадного дела, которые приняли, очевидно, деятельное участие во взятии Смоленска.

Вышеуказанное позволяет говорить о немаловажной роли Михаила Глинского в периоды подготовки к войне и борьбы за Смоленск.

ССЫЛКИ

¹ Sach M. Hochmeister und Großfürst. Die Beziehungen zwischen dem Deutschen Orden in Preußen und dem Moskauer Staat um die Wende zur Neuzeit. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2002 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa. Bd. 62).

² Sach M. Hochmeister und Großfürst. — S. 118–127.

³ Supplementum ad Historica Russiae monumenta. — Petropoli, — 1848. — № CXLI. — P. 353–354; Sach M. Hochmeister und Großfürst. — P. 127–128.

⁴ GStAPK. — XX HA. Ordensbriefarchiv (OBA). — Nr 19479. На обороте пометы канцелярии о приеме грамоты, в нижней части листа титул («**Велики г(о)°(ү)д(а)рь Василен Б(о)ъею м(и)л(о)°тью ц(а)рь и г(о)°(ү)д(а)рь всеа Рүси и велики княз**») и красновосковская печать под кустодией (всадник, скачущий по-геральдически влево, поражает дракона). Диаметр печати 4 см. Круговая надпись: **ВАСІЛЄІ БЖІЄЮ МИЛОСТІЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РҮСИ ВЕЛИКІ КНЗЬ**. Текст грамоты Василия III верховному магистру Тевтонского ордена Альбрехту Гогенцоллерну от 21 сентября 1511 г. впервые опубликован В.Н. Балязиным по копии, снятой в Кёнигсбергском тайном архиве в начале XIX в. (ныне хранится в РГАДА). См.: Балязин В.Н. Из истории внешней политики России в начале XVI века // История СССР. — 1973. — № 2. — С.211–213. Однако в копии было допущено ряд неточностей. В нашей публикации грамота цитируется по оригиналу GStAPK. Выражаем признательность к.и.н. С.В. Полехову за помощь в получении фотокопий и ряд ценных консультаций.

⁵ Документы были опубликованы в 1915 г.: Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр[истофора] Шлейнца в Москву 1511–1514 гг.: Документы Дрезденского главного государственного архива / Пер. с нем. А. В. Полторацкого, пер. с лат. А. Глазырина // Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. — Тула, 1915. — С. 3–27. В настоящее время они хранятся в Sächsisches Hauptstaatsarchiv, Dresden. III Abteilung (Geheimes Archiv). Locat 7283. — Fol. 2–3; Locat 8275; Locat 8286.

⁶ Sigismundus, Rex — Jo. Golawinskiet Jacobo Rosnowski // Acta Tomiciana (далее — АТ). — Posnanie, 1851. — Т. I. — № ССXXXIV. — Р. 188–189.

⁷ Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр[истофора] Шлейнца в Москву 1511–1514 гг. — С. 13.

⁸ Sach M. Hochmeister und Großfürst. — S. 128–129.

⁹ Саксонские сношения с польским королем касательно посольства Хр[истофора] Шлейнца в Москву 1511–1514 гг. — С. 5.

¹⁰ GStAPK. XX HA. OBA. — Nr 19685.

¹⁰ Разрядная книга 1475–1605 гг. — Том I. — Часть I. — С. 133–135.

¹² Рябинин И. С. Новое известие о Литве и москвитях: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). — 1906. — Кн. III. — Отд. V. — С. 6.

¹³ Рябинин И. С. Новое известие о Литве и москвитях: К истории второй осады Смоленска в 1513 г. — С. 6.

¹⁴ Sigismundus, Rex — Joanni Lubranski, Episcopo Posnaniensi // АТ. — Т. II. ССCLIX Р. 261–262 (9 ноября).

¹⁵ Petrus Tomiczki, Eps. Premislientis, Christophoro de Schidlowyecz, Castel. Sandom // АТ. — Т. III. — № LXXXI. — Р. 71.

¹⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. — М., 1977. — Т. 1. — Ч. 1. — С. 142.

¹⁷ Lietuvos Metrika (далее LM). — Vilnius, 2011. — Кн. 7. — Р. 303.

¹⁸ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // АТ. — Т. III. — № I. — Р. 2. Выражаю признательность Я. И. Звереву за помощь в переводе текста С. Гурского.

¹⁹ АТ. — Т. III. — ССXVI. — Р. 154.

²⁰ АТ. — Т. III. — Р. 206.

²¹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // АТ. — Т. III. — № I. — Р. 2.

²² Келлермейстер — одна из невысоких должностей в конвенте ордена наряду с фишмейстером, кюхенмейстером и т.д.

²³ GStAPK. — XX HA. OBA. — Nr 20183. — Fol. 1–1v.

²⁴ GStAPK. — XX HA. OBA. — Nr 20202. — Fol. 3

²⁵ Supplementum ad historica Russiae monumenta. — Petropoli, 1848. — Nr CXLVI. — P. 361.

²⁶ Зимин А. А. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). — М., 1972. — С. 165. Перевод не совсем точен. Наш вариант вариант (благодарим за консультации С. В. Полехова): *«Милостивый великий князь Московский, сегодня я дарю тебе Смоленский замок, которого ты долго добивался, что ты подаришь мне [в ответ]?»* На это радостно [ответил] Московит: *«Раз ты мне его даришь, я дарю тебе княжество Литовское и обещаю тебе, что моя голова не успокоится, пока я не доставлю тебя на место».*

²⁷ GStAPK. — XX HA. OBA. — Nr 20202. — Fol. 3.

²⁸ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 190.

²⁹ Архангелогородский летописец // Полное собрание русских летописей — Л., 1982. — Т. 37. — С. 101.

³⁰ Герберштейн С. Записки о Московии. — С. 142.

³¹ Anno domini millesimo quingentesimo quartodecimo // AT. — Т. III. — № I. — P. 2.

³² Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. — М., 2010. — С. 219.

³³ Михайлова И. Б. К вопросу о «Смоленском взятии» 1514 г. // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana — 2011— № 2— (10). Июль—Декабрь С. 44.

³⁴ Подробнее см.: Лобин А. Н. Планы военного сотрудничества Тевтонского ордена и России в 1517–1522 гг. // Петербургские славянские и балканские исследования = Studia Slavica et Balcanica Petropolitana — 2014. — № 1. Январь — Июнь. — С. 11–26.